

Лингвокультурный фон транскультурного произведения (на материале романа Эллен Литман *Mannequin Girl*)

Ефремова Галина Александровна, преподаватель
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В современном мире взаимодействие различных лингвокультур, описание иноязычных культур, выражение национальной идентичности все чаще осуществляется средствами английского языка, как языка глобальной коммуникации. Описание иноязычной культуры средствами другого языка находится в центре внимания ученых разных стран и представляет собой важную лингвистическую проблему.

Рассмотрение художественного произведения, содержащего описание элементов другой культуры, является одним из способов ее изучения и познания. Для дальнейшей работы с текстом необходимо сформировать понимание термина «текст». Текст – сложный феномен, явление языковой и экстралингвистической действительности. Текст может служить как средство коммуникации, как способ хранения и передачи информации, как продукт определенной исторической эпохи, как отражение определенных социокультурных традиций и т.д. [6, 42].

В фундаментальных работах по лингвистике текста можно найти множество толкований термина «текст», каждое из которых строится тем или иным ученым, исходя из постулатов той науки, представителем которой он является. Т. А. Казакова в учебнике «Художественный перевод. Теория и практика» ссылается на наиболее распространенное и часто цитируемое определение И. Р. Гальперина, согласно которого «текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризующееся своими дистинктивными признаками» [3, 81]. Н. Ф. Алефиренко в монографии «Спорные проблемы семантики» определяет текст как целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора [1, 17].

Важной характеристикой любого вербального текста является то, что в каждом из них отражен национальный способ восприятия мира своей (родной) лингвокультурой, равно как и мир иной лингвокультуры, описание которого мы встречаем в контактной литературе (в терминах Б. Качру) [Kachru B. Models]. Как отмечает З. Г. Прошина, для этой литературы свойствен симбиоз, по крайней мере, двух литературных традиций и культур, родной для автора и англоязычной, – отсюда еще несколько наименований: кросскультурная [Толкачев 2013], транскультурная [Dagnino 2012, 2013] или транслингвальная литература [Kellman 2003; Hansen 2012] [7, 119]. Авторы произведений «контактной» литературы описывают свою родную культуру средствами «чу-

жого» языка, предлагают богатый материал для лингвокультурологического, психолингвистического и художественного анализов. В «англоязычных по форме, но русских по ментальности» художественных произведениях билингвальные писатели «оставляют «следы» родной культурно-языковой идентичности» (цитируется по статье Пак С.М. «Заимствования как аспект...»), создавая лингвокультурный фон произведения.

Для транскультурных произведений (термин, которого мы будем придерживаться в данной работе) характерно наличие описания инолингвокультуры («ино» – с точки зрения языка произведения). Информация об инолингвокультуре, выражаемая «чужим» относительно данной лингвокультуры языком, является общим «содержательным» компонентом произведений, создаваемых авторами, отличающимися билингвизмом. Одной из особенностей произведений, в которых описана другая культура относительно языка описания, является актуализация инолингвокультурного субстрата (ИЛКС) (термин введен В. В. Кабакчи) средствами «чужого» для автора языка. Под ИЛКС В. В. Кабакчи понимает такие элементы текста, появление которых объясняется влиянием языка описываемой иноязычной культуры – фонетические, лексико-грамматические, стилистические [2, 60].

Важно понимать, что мы ограничиваем рассмотрение описания иноязычной культуры рамками письменной формы. В данном случае ИЛКС состоит, прежде всего, из заимствованной различными способами лексики, фразеологии, а также элементов интертекстуальности – цитат и аллюзий на прецедентные для описываемой культуры тексты. В данной работе вслед за Н. Ю. Карауловым под прецедентными текстами мы понимаем «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, 216].

Далее рассмотрим примеры языкового оформления ИЛКС из транскультурного произведения билингвального писателя Эллен Литман «*Mannequin Girl*», в котором автор описывает русскую культуру на английском языке. Рассматриваемый роман Э. Литман наполнен большим количеством русизмов, прецедентных имен и высказываний, общеизвестных реалий (реальные факты, касающиеся быта, культуры, истории страны изучаемого языка, героев, традиций, обычаев), фамилий всемирно известных личностей, фразеологизмов, видов обращений. Многие лексические единицы маркированы (автор использует курсив, либо кавычки), но в тексте присутствуют также

никак не маркированные единицы, представленные строчками из литературных произведений, описанием ситуаций, именами собственными и т.п.

Рассматривая маркированные единицы (выделенные курсивом либо кавычками), обратимся к примеру, в котором автор приводит названия традиционных детских игрушек советского времени:

As Kat grew from a toddler into a little girl? Her grandmother managed to effect in her a certain taste for tidiness: all those *mishkas* and *matryoshkas* were brushed and polished to perfection, picture books alphabetized on their shelves [8, 24].

Автор не приводит детального описания всех игрушек девочки, а лишь дает названия двух – *mishkas* и *matryoshkas*. На уровне семантики слово *matryoshkas* понятно даже англоязычному реципиенту без пояснения, так как данный русизм можно встретить в словарях английского языка, например, в *Longman Dictionary of Contemporary English* или *Collins English Dictionary*. Вероятно, у англоязычного реципиента может не возникнуть определенный образ второй игрушки – лексическая единица *mishkas*, так как на английском это звучит *teddy bear*. Однако, в данном случае, как нам видится, целью автора было не создание образа конкретной игрушки, а передача идеи, что это были самые популярные детские игрушки. Использование формы множественного числа может служить показателем того, что в большинстве своем у детей были именно эти виды игрушек.

К маркированным компонентам также отнесем ряд примеров, представляющих собой названия телевизионных программ популярных в 80-е годы 20 века и известных литературных произведений.

They snuggle on the sofa and watch *Under 16 and Older* on TV, and Kat must be careful not to jostle Anechka, who is still sore in the stomach area where her stitches used to be [8, 227].

Перевод названия программы «До 16 и старше» как *Under 16 and Older* позволяет понять, что эту передачу могли смотреть как дети, так и взрослые. Это подтверждает контекст, в котором эту программу мама и дочь смотрят вместе.

Далее рассмотрим пример, в котором автор использует сразу 4 названия популярных детских сказок:

They huddle together on the carpet and he reads to her, one by one *The Tale of the Golden Cockerel* and *The Little black Hen*, *The Steadfast Tin Soldier* and *The Scarlet Flower*. He seems to love these silly illustrated tales, where every dilemma is solvable and every choice is clear-cut [8, 91].

Названия сказок являются прецедентными текстами, которые вызывают в сознании русского читателя определенные ассоциации (русскоязычный реципиент знает суть данных сказок, поэтому может понять с какой целью отец читает их своей дочери). Далее Э. Литман дополняет контекст описанием *where every dilemma is solvable and every choice is clear-*

cut, тем самым указывая на то, чему данные сказки учат. Таким образом автор формирует понимание этих прецедентных феноменов в сознании англоязычного реципиента.

Русские названия сказок и программы представлены в тексте романа в переводе, а также сопровождаются расширенным контекстом, что позволяет англоязычному реципиенту понять их суть.

Также в тексте романа присутствуют не маркированные единицы, которые Э. Литман вплетает в ткань текста произведения, сопровождая широким контекстом. Рассматривая такие примеры, важно всегда задавать вопрос: «С какой целью автор дает то или иное описание?». Обратимся к примеру прецедентного высказывания – строчке из известного произведения русского поэта А. С. Пушкина:

Sometimes she imagines writing him a letter, a confession, *Eugene Onegin* style: “I write to you, what more is there to offer ...” [8, 132].

Рассматриваемая фраза не просто является прецедентным высказыванием, в ней заложены те чувства, которые испытывала героиня романа Kat. Она была влюблена в мальчика и представляла, как пишет ему признание в стиле Евгения Онегина «Я к вам пишу, чего же боле...». Э. Литман прибегает к использованию известной строчки из письма Татьяны к Онегину, чтобы передать свою эмоциональную интенцию. Целью автора было показать насколько сильными были чувства Kat. С помощью лишь одной строчки Э. Литман удается создать стереотипный образ влюбленной девушки, которой страшно в этом признаться, которая, вероятно, как и Татьяна, ищет понимание.

В качестве прецедентного имени автор романа приводит имя Павлика Морозова:

Rosa considers that a show of impudence and sends him to stand in the corner for an hour. Then she tells them the story of Pavlik Morozov, the pioneer who exposed his kulak father. “Loyalty to one’s collective is more important than familial love”.

Как видим из примера Э. Литман сопровождает прецедентное имя пояснением – кем был Павлик и какой поступок он совершил. Вероятнее всего, автор прибегает к такому способу передачи ИЛКС, чтобы гарантировать корректное восприятие «культурного предмета» реципиентом.

Таким образом, лингвокультурный фон транскультурного романа *Mannequin Girl* характеризуется наличием отдельных культурно-обусловленных лексических единиц, высказываний, отражающих индивидуальную и социальную картины мира носителей русской культуры. Наличие инолингвокультурных маркеров, представленных русизмами, названиями передач советского периода, художественных произведений, прецедентными феноменами, указывают на обращенность повествования в область русскоязычной культуры.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы семантики: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В. В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб. : СПбГУЭФ, 2007. – С. 51-70.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. – СПб. : ООО «Инъязиздат», 2006. – 544 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Пак С. М. Заимствования как аспект культурно-языкового переноса в контактной литературе на английском языке // С.М. Пак / Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. 18. Вып. 1, 2021. – С. 176-181.
6. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 156 с.
7. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. World Englishes Paradigm: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 208 с.
8. Litman, Ellen *Mannequin Girl : a novel* / Ellen Litman. – First Edition. – 352 p.